

Секция «Юриспруденция»

Декриминализация клеветы и оскорбления: процессуальный аспект

Коновалов Сергей Геннадьевич

Студент

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Юридический

факультет, Москва, Россия

E-mail: SGKonovalov@rambler.ru

В конце 2011 г. произошло событие, вызвавшее широкие обсуждения как среди теоретиков права, так и в кругу практикующих юристов. Речь идёт о принятии федерального закона от 07.12.2011 г. N 420-ФЗ, внесшего значительные изменения в российское законодательство (в частности, в Уголовный кодекс РФ (далее – УК), Уголовно-процессуальный кодекс РФ (далее – УПК), Кодекс РФ об административных правонарушениях (далее – КоАП) и др.). Одним из наиболее дискуссионных изменений стала декриминализация таких составов, как клевета (ранее ст. 129 УК) и оскорбление (ранее ст. 130 УК), в ходе которой удалённые из УК статьи были помещены в КоАП (ст.ст. 5.60 и 5.61 КоАП соответственно), не претерпев при этом практически никаких корректировок. Однако все споры вокруг названной декриминализации касались преимущественно лишь её материально-правовой стороны [1, 2]. Настоящая работа – это попытка выявить и проанализировать процессуально-правовой аспект названных изменений.

Представляется наиболее закономерным в первую очередь исследовать перемены, связанные с кругом участников производства по делу. Как известно, ранее дела об оскорблении и о клевете относились к делам частного обвинения (ч. 2 ст. 20 УПК). Вследствие этого, по общему правилу, возбуждать их могли только потерпевший либо его законный представитель (ч. 2 ст. 20 УПК). И лишь тогда, когда потерпевший был не в состоянии защищать свои интересы, полномочием по возбуждению дела обладали также руководитель следственного органа, следователь и дознаватель (ч. 4 ст. 20). Кроме того, такое право имели близкие родственники умершего потерпевшего (ч. 2 ст. 318 УПК). В настоящее время всё обстоит иначе: согласно КоАП (ч. 1 ст. 28.4), возбуждение дел об оскорблении и клевете возможно не иначе как путём вынесения прокурором соответствующего постановления. Закономерным последствием этого стало коренное изменение поводов к возбуждению соответствующих дел: если раньше возможность привлечения нарушителя к ответственности, как правило, зависела от воли потерпевшего, то теперь прокурор обязан возбудить дело вне зависимости от того, узнал он о правонарушении от самого оклеветанного или оскорблённого лица, стало получение данных сведений результатом прокурорской проверки или же сообщение о нарушении поступило от государственного органа, юридического лица или гражданина (ч. 1 ст. 28.1 КоАП).

Анализируя нормы, касающиеся субъектов, возбуждающих дела, нельзя обойти вниманием и изменения, связанные с кругом лиц, привлекаемых к ответственности за совершение рассматриваемых правонарушений. Прежде всего, здесь стоит отметить, что в силу положений об обратном действии законодательства (ч. 1 ст. 10 УК; ч. 2 ст. 1.7 КоАП) лица, совершившие до 08.12.2011 (ч. 1 ст. 8 ФЗ от 07.12.2011 N 420-ФЗ) деяния, предусматривавшиеся ст.ст. 129 или 130 УК и не привлечённые к ответственности, опять же, до 08.12.2011, не подлежат ни уголовной, ни административной ответственности за

совершение указанных деяний. Применение же КоАП в отношении правонарушителей, действовавших за границей РФ, существенно ограничено по сравнению с УК (ср. ст. 12 УК и ч. 2 ст. 1.8 КоАП).

Сравнение положений, содержащихся в ст.81 УК и ст. 2.8 КоАП, позволяет выявить ещё одну категорию субъектов, в отношении которой правила о наказуемости претерпели значительные изменения: если ранее лица, совершившие клевету или оскорбление во вменяемом состоянии, впоследствии в силу наступления психического расстройства лишались «возможности осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими», названные лица подлежали освобождению от наказания. КоАП не содержит аналогичной нормы, в связи с чем можно сделать вывод, что вменяемый на момент совершения правонарушения субъект наказуем вне зависимости от дальнейшего состояния его здоровья.

Орган, рассматривающий дела о клевете и оскорблении не изменился: этим по-прежнему будут заниматься мировые судьи (ср. ч. 1 ст. 31 УПК и ч. 2 ст. 23.1 КоАП). Думается, что это позволит избежать новых разногласий по вопросам применения соответствующих норм материального права.

Следующий вопрос, который необходимо изучить, анализируя процессуальный аспект декриминализации ст.ст. 129 и 130 УК – это вопрос о возможности исключения ответственности лица, совершившего клевету или оскорбление. Пожалуй, наиболее значимые изменения здесь вновь связаны с институтом частного обвинения. Прежнее регулирование позволяло потерпевшему примириться с обвиняемым, тем самым создав основание для освобождения от ответственности (ч. 2 ст. 20, ч. 5 ст. 319 УПК). В настоящее же время оклеветанное или оскорблённое лицо своим прощением никак не повлияет на исход дела. Соответственно, по-другому решён и вопрос о возмещении издержек по делу. УПК (ч. 9 ст. 132) предусматривает, что в случае оправдания подсудимого по уголовному делу частного обвинения возможно их возложение на заявителя. В случае же примирения сторон издержки взыскиваются с одной или с обеих сторон. В административном производстве этот вопрос урегулирован иначе: все издержки по делам о клевете и оскорблении, совершенным физическим лицом, относятся на счет федерального бюджета (ч. 2 ст. 24.7 КоАП).

Что касается освобождения от ответственности в связи с истечением сроков давности, оно по-прежнему возможно, причём сами давностные сроки в КоАПе существенно отличаются от тех, что установлены в отношении преступлений. В силу того, что клевета и оскорбление относились к преступлениям небольшой тяжести, соответствующий срок давности составлял 2 года (п. «а» ч. 1 ст. 78 УК). Произведённая декриминализация позволяет нарушителям не опасаться наступления ответственности по прошествии лишь 3-х месяцев со дня совершения правонарушения (ч. 1 ст. 4.5 КоАП).

Произошло и некоторое сужение перечня обстоятельств, позволяющих совершившему какое-либо из рассматриваемых деяний лицу избегать ответственности. Так, законодательство об административных правонарушениях не знает таких оснований исключения ответственности, как физическое или психическое принуждение, а также исполнение приказа или распоряжения (между тем, в УК они рассматриваются в качестве обстоятельств, исключающих преступность деяния, см. ст.ст. 40 и 42).

Подводя итог всему вышеизложенному, можно констатировать следующее: очевидно, что многие перемены, связанные с декриминализацией клеветы и оскорбления, пол-

ностью отвечают цели гуманизации, к которой и стремился законодатель [3], внося соответствующие коррективы в федеральные законы. Отсутствие судимости, сокращение сроков давности, сужение круга лиц, ответственных за рассматриваемые деяния, возложение издержек на государство вполне отвечают интересам правонарушителя и, соответственно, целям произведённых изменений. Но есть и обратная сторона медали: появление множества новых поводов для возбуждения дела (что фактически позволяет любому лицу инициировать привлечение правонарушителя к ответственности, а, значит, повышает его шансы быть наказанным), невозможность прекращения дела в связи с примирением сторон, некоторое сужение оснований исключения ответственности, возможность привлечения виновного лица к ответственности даже в случае неявки потерпевшего в суд без уважительных причин (ч. 3 ст. 25.2 КоАП; согласно ч. 3 ст. 249 УПК, уголовное дело частного обвинения в таких случаях подлежит прекращению) и т.д. Можно ли здесь говорить о гуманности? Напрашивается отрицательный ответ. Насколько эти отступления от декларированной цели обоснованы? Вопрос достаточно спорный, и его изучение выходит за рамки данного исследования.

Литература

1. Кузнецова Н.Ф. Пути гуманизации уголовного законодательства России // Законодательство. 2009, N 7.
2. Тасалов Ф. УК гуманизируется, дисбаланс остается // эж-ЮРИСТ. 2011, N 26.
3. Пояснительная записка к проекту федерального закона 559740-5 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации»